

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-290-293

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ФАТЕЕВ Андрей Сергеевич,

аспирант, кафедра правового регулирования бизнеса
и гражданского судопроизводства, Юридический факультет,
АНО ВО «Московский университет «Синергия»,

e-mail: fatia200086@gmail.com

ОБЪЕКТИВНАЯ (ПРЕДЕЛЬНАЯ) ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье анализируется институт объективной (предельной) исковой давности, предусмотренный пунктом 2 статьи 196 Гражданского кодекса Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена истечением первых десятилетних сроков в 2023–2025 гг., что повлекло формирование новой судебной практики. Автором рассматриваются теоретические и правоприменительные проблемы, связанные с исчислением объективного срока, его соотношением с субъективным сроком, а также анализируются актуальные позиции Верховного и Конституционного Судов РФ. Особое внимание уделяется правовой позиции Верховного Суда РФ по вопросу о неприменении объективного срока к требованиям о возмещении убытков за нарушения, совершённые до введения данной нормы, а также новейшей судебной практике по искам прокуратуры. На основе проведённого исследования формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: исковая давность, объективный срок, субъективный срок, десятилетний срок, пункт 2 статьи 196 ГК РФ, предельный срок, судебная практика, Верховный Суд РФ.

FATEEV Andrey Sergeevich,

Postgraduate Student, Department of Business Regulation and Civil Procedure, Law Faculty, Autonomous
Non-Commercial Organization of Higher Education “Moscow University ‘Synergy’”

OBJECTIVE (ULTIMATE) LIMITATION PERIOD IN RUSSIAN CIVIL LAW: ISSUES OF CALCULATION AND TRENDS IN JUDICIAL PRACTICE

Annotation. The article analyzes the institution of the objective (ultimate) limitation period provided for by paragraph 2 of Article 196 of the Civil Code of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the expiration of the first ten-year periods in 2023–2025, which led to the formation of new judicial practice. The author examines theoretical and law-enforcement problems related to the calculation of the objective period, its correlation with the subjective period, and also analyzes the current positions of the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation. Special attention is paid to the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation on the non-application of the objective period to claims for damages for violations committed before the introduction of this norm, as well as to the latest judicial practice in claims brought by the prosecutor's office. Based on the conducted research, proposals for improving legal regulation are formulated.

Key words: limitation period, objective period, subjective period, ten-year period, paragraph 2 of Article 196 of the Civil Code of the Russian Federation, ultimate period, judicial practice, Supreme Court of the Russian Federation.

Институт исковой давности занимает центральное место в механизме защиты гражданских прав, обеспечивая стабильность гражданского оборота и правовую определённость. Принятие в 2013 году Федерального закона № 100-ФЗ

внесло существенные изменения в правовое регулирование сроков исковой давности [1]. Одним из наиболее значимых нововведений стала норма, содержащаяся в пункте 2 статьи 196 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), согласно которой срок исковой давности не может превышать

десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, установленных Федеральным законом «О противодействии терроризму» [2].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что с 1 сентября 2013 г., когда пункт 2 статьи 196 ГК РФ вступил в силу, в 2023–2025 гг. начали истекать первые десятилетние сроки, что обусловило формирование новой, ещё не в полной мере осмысленной в доктрине судебной практики. Как отмечает А.А. Махлушева, несмотря на длительное существование правил нормативного регулирования, закреплённых в главе 12 ГК РФ и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43, системные проблемы и противоречия в толковании и применении норм об исковой давности сохраняются [8, с. 149].

Правовая конструкция объективной исковой давности, закреплённая в пункте 2 статьи 196 ГК РФ, представляет собой новацию отечественного гражданского законодательства, воспринятую из правовых систем стран континентальной Европы. Как указывает П.С. Вавинова, главное отличие объективного срока от общего (субъективного) сводится к разнице в исчислении их начала: течение объективного срока не зависит от осведомлённости истца о нарушенном праве [7, с. 72]. В отличие от субъективного срока, установленного пунктом 1 статьи 196 ГК РФ и составляющего три года, начало течения объективного срока определяется моментом совершения правонарушения [2].

Важнейшим разъяснительным актом по вопросам применения норм об исковой давности является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» [3]. Пункт 8 данного Постановления содержит принципиально важное разъяснение: к объективному десятилетнему сроку не подлежат применению правила о приостановлении и перерыве течения срока исковой давности, поскольку он является пресекательным (предельным) [3, п. 8]. При этом в том же пункте содержится исключение: в пределах этого срока истцу не может быть отказано в защите права, если до его истечения имело место обращение в суд в установленном порядке или обязанным лицом совершены действия, свидетельствующие о признании долга [3, п. 8].

В теоретическом аспекте наиболее дискуссионным остаётся вопрос о толковании «дня нарушения права» как точки отсчёта десятилетнего срока. Формальная простота данной конструкции скрывает серьёзные правоприменительные

сложности, особенно в ситуациях длящихся правонарушений. Как обоснованно указывает П.С. Вавинова, существование объективного давностного срока целесообразно только при условии, что течение субъективного срока исковой давности не выходит за его пределы [7, с. 76]. Судебная практика выработала устойчивый подход: течение объективного срока начинается с момента фактического совершения действий, нарушающих право, независимо от того, когда эти действия были обнаружены или осознаны как правонарушение.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 апреля 2025 г. № 305-ЭС24-21469 по делу № А40-25790/2022 Суд указал, что установленный п. 2 ст. 196 ГК десятилетний срок исковой давности носит объективный характер и, в отличие от срока, установленного п. 1 этой же статьи, начало его течения не зависит от осведомлённости истца (реальной или потенциальной) о нарушенном праве и надлежащем ответчике [6, л. 5–12]. В названном определении Верховный Суд РФ, оставляя в силе определение суда первой инстанции, которым отказано в удовлетворении требования о взыскании убытков, признал, что вменяемые ответчику нарушения совершены до введения в законодательство объективного срока исковой давности, в связи с чем п. 2 ст. 196 ГК РФ к этим правоотношениям не применим. Трёхлетний субъективный срок исковой давности был исчислен судом с момента, когда о нарушениях стало известно конкурсному управляющему (апрель 2023 г.), и ко дню обращения в суд (октябрь 2023 г.) этот срок не истёк [6, л. 5–12].

Из данного подхода вытекают две проблемы. Во-первых, вопрос об обратной силе пункта 2 статьи 196 ГК РФ: Верховный Суд РФ указал, что десятилетний срок исковой давности не подлежит применению к требованиям о взыскании убытков за нарушения, совершённые до 1 сентября 2013 г. [6, л. 5–12]. Во-вторых, специфика начала течения срока исковой давности по требованиям, заявляемым конкурсным управляющим в процедуре банкротства: момент осведомлённости управляющего о нарушении может наступать значительно позже самого нарушения, что требует учёта при исчислении субъективного срока.

Согласно пункту 8 Постановления Пленума ВС РФ № 43, к объективному десятилетнему сроку не применяются правила о приостановлении и перерыве (статьи 202–204 ГК РФ) [3, п. 8]. Данный подход вызвал дискуссию в науке. Ряд авторов обоснованно указывают, что строгое следование данному разъяснению в ряде случаев приводит к явной несправедливости, когда истец объективно

не мог обратиться за судебной защитой в пределах десятилетнего срока [8, с. 150]. Вместе с тем в пункте 8 Постановления № 43 содержится важное исключение: в пределах этого срока истцу не может быть отказано в защите права, если до его истечения имело место обращение в суд в установленном порядке или обязанным лицом совершены действия, свидетельствующие о признании долга [3, п. 8]. Данное разъяснение фактически создаёт механизм, аналогичный перерыву течения срока, что порождает доктринальные дискуссии о его правовой природе. В научной литературе высказываются предложения по уточнению правил применения объективной давности с учётом действия закона во времени, а также по дальнейшему совершенствованию института исковой давности в целом [8, с. 151].

Особую остроту в 2024–2025 гг. приобрела проблема применения сроков исковой давности к искам прокуроров об обращении в доход государства имущества, приобретённого с нарушением антикоррупционных запретов. Постановлением Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П взаимосвязанные положения ст. 195, 196, 197, 200, 208 ГК РФ признаны не соответствующими Конституции РФ в части, допускающей применение исковой давности к требованиям об обращении в доход государства имущества, приобретённого вследствие нарушения лицом, замещающим публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, без учёта публично-правовой природы таких требований [4, л. 5–11]. Суд указал, что недобросовестное поведение лица, замещающего публично значимую должность, не может служить основанием для использования института исковой давности как средства легализации имущества, полученного в нарушение основ правопорядка [4, л. 5–11].

В 2025 году Конституционный Суд РФ также вынес два определения об отказе в принятии к рассмотрению жалоб компаний «Мираж» и «Геатон» (№ 913-О и № 914-О от 14 апреля 2025 г.), которые оспаривали применение судами норм ГК о сроках исковой давности [5]. Обе фирмы стали ответчиками по искам прокуратуры, посчитавшей незаконной приватизацию, проведённую ещё в 1994 году, при этом иски были поданы только в 2023 году. Конституционный Суд отказался рассматривать жалобы, указав, что положения статьи 200 ГК РФ наделяют суд правом самостоятельно определять момент начала течения срока исковой давности исходя из обстоятельств конкретного дела, и отметив недопустимость применения института

исковой давности в качестве способа легализации имущества, незаконно приобретённого в ущерб интересам публичного собственника [5]. Суд также указал, что дата перехода имущества из публичной собственности в частную при приватизации не может рассматриваться как критерий, определяющий течение срока исковой давности; исковая давность по требованиям прокурора, заявленным по результатам проведения проверки, исчисляется с даты её окончания.

Данная позиция вызвала дискуссию в доктрине: с одной стороны, она направлена на защиту публичных интересов и борьбу с коррупцией, с другой — порождает риск нарушения принципа правовой определённости и прав добросовестных приобретателей, поскольку речь идёт о возможности изъятия имущества спустя значительный (теоретически неограниченный) период времени.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы и практические рекомендации.

Во-первых, институт объективной исковой давности, введённый в российское гражданское законодательство в 2013 году и начавший активно применяться судами с 2023 года, является востребованным правовым механизмом, обеспечивающим стабильность гражданского оборота. Однако его применение сопряжено с рядом теоретических и правоприменительных проблем, требующих разрешения.

Во-вторых, Верховный Суд РФ в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 3 апреля 2025 г. № 305-ЭС24-21469 дал важное разъяснение о неприменении объективного десятилетнего срока к требованиям о взыскании убытков за нарушения, совершённые до введения данной нормы (до 1 сентября 2013 г.) [6, л. 5–12]. Представляется целесообразным закрепление данной позиции в акте Пленума Верховного Суда РФ для обеспечения единообразия судебной практики.

В-третьих, нуждается в пересмотре вопрос о применимости приостановления и перерыва к объективному сроку. Целесообразно допустить возможность приостановления течения объективного срока на период соблюдения обязательного досудебного порядка урегулирования спора, а также в иных объективно препятствующих обращению в суд обстоятельствах [8, с. 150].

В-четвертых, постановления Конституционного Суда РФ по «антикоррупционным» искам прокуратуры, хотя и обоснованны с точки зрения защиты публичных интересов, требуют взвешенного подхода, исключающего произвольное и неограниченное

применение исковой давности, что может привести к нарушению принципа правовой определённости и прав добросовестных приобретателей.

Таким образом, дальнейшее развитие института исковой давности в российской правовой системе должно осуществляться по пути поиска оптимального баланса между необходимостью защиты нарушенных прав, с одной стороны, и обеспечением стабильности и предсказуемости гражданского оборота — с другой.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 19. — Ст. 2327.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

[3] О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 12.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П по делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489414/ (дата обращения: 09.05.2026).

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 14.04.2025 № 913-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=853942> (дата обращения: 09.05.2026).

[6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.04.2025 № 305-ЭС24-21469 по делу № А40-25790/2022 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411710830/> (дата обращения: 09.05.2026).

[7] Вавинова П.С. Объективный срок исковой давности в гражданском законодательстве Российской Федерации: проблемы применения / П.С. Вавинова // StudArctic forum. — 2022. — Т. 7, № 1. — С. 72–79.

[8] Махлушева А.А. Институт исковой давности в гражданском праве / А.А. Махлушева // Молодой ученый. — 2025. — № 41 (592). — С. 149–151.

References:

[1] Federal Law of 07.05.2013 No. 100-FZ “On Amendments to Subsections 4 and 5 of Section I of Part One and Article 1153 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2013. — No. 19. — Article 2327.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Article 3301.

[3] On Certain Issues Related to the Application of the Norms of the Civil Code of the Russian Federation on the Limitation Period: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.09.2015 No. 43 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2015. — No. 12.

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P in the case concerning the verification of the constitutionality of Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and the second paragraph of paragraph 2 of Article 200, the second paragraph of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489414/ (date of access: 09.05.2026).

[5] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 14, 2025 No. 913-O // SPS “ConsultantPlus”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=853942> (accessed: 09.05.2026).

[6] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.04.2025 No. 305-ES24-21469 in case No. A40-25790/2022 // SPS “Garant”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411710830/> (accessed: 09.05.2026).

[7] Vavinova P.S. Objective limitation period in the civil legislation of the Russian Federation: problems of application / P.S. Vavinova // StudArctic forum. — 2022. — Vol. 7, No. 1. — P. 72–79.

[8] Makhlusheva A.A. Institute of statute of limitations in civil law / A.A. Makhlusheva // Young scientist. — 2025. — No. 41 (592). — P. 149–151.

